
Конфликт самореференций человека

© 2019 г. А.П. Попов

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: sightled1@gmail.com

Поступила 28.04.2018

В статье проведен анализ понятия самореферентности в дискурсе радикального конструктивизма. Самореферентность понимается в качестве фундаментальной характеристики процесса познания. В статье показано, как самореферентность ведет к появлению парадоксов в объяснении познания. Автором выделяются два противостоящих внутренних аспекта самореференции: различение и повторение. Вместе с тем, показано, что оба эти аспекта могут сведены к тавтологии. На материале дискурсов радикального конструктивизма и кибернетики второго порядка автором предложено такое понимание этих аспектов, которое позволяет преодолеть парадоксальность высказываний второго порядка. Опираясь на полученные результаты анализа, автором предлагается иной взгляд на проблему познания субъектом самого себя. Продемонстрировано, что понимание различения и повторения в самореференции в качестве тавтологии, открывает возможности для разрешения проблемы самопознания.

Ключевые слова: радикальный конструктивизм, самореферентность, парадокс, различение, повторение, конфликт, кибернетика второго порядка, Х. фон Фёрстер, субъект, познание, рекурсия, наблюдатель.

DOI: 10.31857/S004287440006048-7

Цитирование: *Попов А.П.* Конфликт самореференций человека // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 113–123.

Conflict of human self-references

© 2019 г. Anton P. Popov

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av.
GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: sightled1@gmail.com

Received 28.04.2018

The article is dedicated to the analysis of the concept of self-reference in the discourse of radical constructivism. Self-reference is understood as a fundamental characteristic of the process of cognition. The article shows how self-reference leads to paradoxes in the explanation of knowledge. The author identifies two opposing internal aspects of self-reference: distinction and reiteration. At the same time, it is shown that both these aspects can be reduced to a tautology. Based on the material of the discourses of radical constructivism and second-order cybernetics, the author proposes an understanding of these aspects that allows us to overcome the paradox of second-order statements. Based on the obtained results of the analysis, the author suggests a different view of the problem of self-knowledge. It is demonstrated that understanding the distinction and reiteration in self-reference as a tautology opens up opportunities for solving the problem of self-knowledge.

Key words: radical constructivism, self-reference, paradox, distinction, reiteration, conflict, second-order cybernetics, H. von Foerster, subject, cognition, recursion, observer.

DOI: 10.31857/S004287440006048-7

Citation: Popov, Anton P. (2019) "Conflict of human self-references", *Vo-prosy Filosofii*. Vol. 8 (2019), pp. 113–123.

Вопрос о сущности или природе субъекта в философии относится к разряду классических. Вместе с тем, существует укоренившаяся тенденция к отождествлению понятий «субъект» и «человек», которая задает иную формулировку, превращая вопрос о субъекте в вопрос о познании субъектом самого себя, т.е. самопознании, вплоть до того, что самопознание понимается как «высшая цель философского исследования» (Э. Кассирер). Таким образом, вопрос «Что такое человек?» приобретает гносеологическое звучание и интроспективную направленность. Традиционно в рамках философского дискурса проводится различие между «Я» и тем, что объединяет в себе все, не относящееся к «Я» именно с позиции внутреннего наблюдателя – так возникает субъект-объектная оппозиция.

Позиция внутреннего наблюдателя в данном случае полагается как непосредственная данность, которой приписывается идеальный или материальный характер. Отсюда следует различие «Я» и субъекта. «Я» может специфицироваться как изменяющееся или расщепленное, в то время как позиция непосредственно данного субъекта остается неподвижной и постоянной. По большому счету, такой субъект выступает в качестве объяснительного принципа, призванного обеспечить разговору о «Я» отправную точку, должную стать по-картезиански ясной и отчетливой. Присутствие означенного субъекта выводится как следствие из утверждения существования размышляющего. Речь ведется о той феноменальной области, в которую включен рефлекслирующий внутренний наблюдатель, и которая воспринимается им как его жизнь, а уже затем делается вывод, что *кто-то еще* стоит над этой феноменальной областью и над самим наблюдателем.

Если мы сведем самопознание к познанию только этого *кого-то еще*, то не меняем ли мы таким образом предмет разговора? Действующий, чувствующий, сомневающийся, словом, живущий индивид отодвигается своим исследователем на второй план, и взамен постулируется присутствие обезличенного субъекта — ядра познания. Но сам интроспективный метод (а метод должен быть интроспективным, поскольку невозможно исследовать сознание индивида *in vitro*) не позволяет дать какую-либо позитивную характеристику этому ядру познания, или, иными словами, это ядро оказывается сокрытым от взгляда исследователя.

Формулировка вопроса «*Кто* осуществляет познание?» несет в себе социологический смысл, т.е. подразумевает отношение к этому *кому-то* как к Другому, его объективацию. Вопросающий узнает о себе через Другого и, в конечном счете, вопрошает о Другом. Парадоксальность заключается в том, что вопрошая о Другом, вопрошающий получает ответ о себе самом, или, что то же самое, рассматривает Другого на своем, вопрошающего, месте. В результате полученный ответ сопрягается с идеей Другого, которая предстает перед внутренним наблюдателем как идея его «Я».

В интерпретации радикального конструктивизма вопрос «*Кто* осуществляет познание?» формулируется как вопрос «*Кто* осуществляет конструирование?». В данном контексте вопрос трансформируется следующим образом: «*Кто* осуществляет конструирование самого себя?». В попытке избежать упомянутого ранее парадокса широко используется ставшая классической дихотомия «конструктора» как идеального субъекта и различных эмпирических трактовок «Я». Например, различие между трансцендентальным и эмпирическим «Я» у Канта, трансцендентальное и психологическое «Я» Гуссерля, «Je» и «Moi» у Сартра [Труфанова 2010, 15–30]. Подобным вопросом задавался и Н. Луман, указывая на парадоксальность кибернетики второго порядка в применении к массмедиа (но и в более общем смысле, конечно же, тоже): «Другими словами, массмедиа — как наблюдатели — остаются невидимыми для самих себя. Они оперируют, обращаясь к миру, и не подвергают рефлексии то, что уже эта обращенность порождает непомеченное пространство, в котором они сами пребывают» [Луман 2005, 182]. Луман видит и возможность развития в этой парадоксальности: она, по его разумению, есть только промежуточная стадия, призванная освободить размышление от догматических оков. Основа этой парадоксальности лежит именно в различении: «я — парадокс моего различения, единство того, что я утверждаю как различное» [Там же, 188].

Термин «самопознание» оказывается неподходящим. Знание о ядре познания не эквивалентно знанию о человеке хотя бы потому, что первое лишено позитивной характеристики. Самопознание в таком случае следует понимать как знание о знании человека, т.е. как термин теории второго порядка, как предлагает обозначать подобные понятия Х. фон Фёрстер [Щоколов 2000, 145]. Стоит отметить, что понимаемое в таком ключе самопознание не является просто «знанием о знании» (по аналогии, скажем, со «знанием о яблоке»), оно есть знание *о себе самом*: рекурсивно и самореферентно. Такое второпорядковое знание о знании мы будем понимать как *модель* знания и, в более широком смысле, производства этого знания — мышления, поскольку оно является объектом конструирования. Наша цель здесь — провести анализ такой характеристики данной модели как самореферентности.

В самом понятии самореферентности уже подразумевается инаковость. Это видно из вопроса о том, *кто* выступает в качестве референта: в данном конкретном случае *кто* относится к приставке *само-*, выражаясь в вопросе «*кто сам?*». Ответ на этот вопрос принимает форму инаковости, Другого, проводя различие между вопрошаемым *кто* и вопрошающим о нем. Это самореферентное отношение, принимающее форму *различения*, занимает *позицию* субъекта. Таким образом, на *позиции* субъекта мы обнаруживаем организационное отношение, т.е. характеристику модели знания. Такое организационное отношение, как нам представляется, не может быть истолковано как в качестве трансцендентального субъекта, так и любого другого «ядра» познания. Даже если мы допустим, что классического субъекта в философии можно представить в качестве такого отношения, то заново поставленный вопрос «*Кто* осуществляет познание?» преобразует

упомянутое отношение в форме инаковости, т.е. опять же в образе Другого, что только создаст следующую форму *различения* в модели знания.

Стоит отметить важную особенность модели и самореферентности в качестве ее характеристики. Принцип круговой причинности, описанный в рамках кибернетики Винера как принцип обратной связи [Rosenblueth, Wiener, Bigelow 1943], нашел свое применение и в дискурсе радикального конструктивизма — в кибернетике второго порядка, разработанной Фёрстером, в которой он приобретает вид кругообразной циркуляции сигнала или, в философской его трактовке, принципа кругообразности, согласно которому стирается различие между входным и выходным сигналами [Цоколов 2000, 140–141]. Применительно к рассматриваемой здесь модели знания это означает следующее: единственным референтом для конструируемого объекта выступает конструирующий его индивид. Таким образом, возникающий в *различении* активированный образ «Я» вопрошающего индивида (который принимает форму своей инаковости, Другого) сам выступает в качестве объекта конструирования, из чего мы делаем вывод о том, что процесс конструирования «Я» сам обладает свойством самореферентности, и, следовательно, сконструированное «Я», подчиняясь принципу кругообразности, является одновременно как входным, так и выходным сигналом, т.е. является одновременно конструкцией и определяющей причиной для любой другой конструкции, включая себя самого. Или, выражаясь более ясно, «Я» является продуктом и исходным материалом для себя самого; в этом смысле оно обладает свойством кругообразности или, применительно к описанной модели знания, самореферентности. Таким образом, все, что индивид знает о себе самом, содержится в конструкции его собственного «Я». Данное положение можно проиллюстрировать разницей между двумя утверждениями: 1) Я знаю, что такое эта вещь; 2) «Я» знаю, что такое эта вещь. Первое утверждение сформулировано так, как если бы было высказано в пространстве феноменальной реальности познающего индивида, тогда как второе — это интерпретация первого утверждения в виде самореферентного второпорядкового знания о знании, т.е. понятое как «Я», знающее о своем знании.

Из того обстоятельства, что «Я» индивида реферирует к самому себе (знает о своем знании), можно провести параллель к референту всякого сконструированного объекта. Таким референтом может и должно выступить это «Я». Для иллюстрации данного положения рассмотрим концепцию знака в радикальном конструктивизме, предложенную Л. Кауфманом. «Я изображаю фигуру], и прошу вас, своего читателя, представить себе, что это усеченный квадрат. Изображение квадрата создает различие между внутренним и внешним пространством на плоскости. Я прошу вас интерпретировать это изображение в качестве знака, который отсылает к упомянутому различию. Различие, к которому отсылает этот знак, это целиком и полностью тот процесс, который вы, читатель, производите, когда вступаете во взаимодействие с индикаторной плоскостью вашей страницы в журнале или на экране компьютера, чтобы прийти к этому различию. Данный процесс требует от вас всего того, что вы собой представляете. Это способ указания на изображение. Утверждение о существовании этого изображения требует от вас всего, чем вы являетесь во всей той вселенной, которая вам дана. Вселенная разомкнулась и произвела вас, изображение квадрата, страницу, мир. Изображение произвело вас и все остальное. Вы произвели изображение и все остальное. Все остальное произвело вас и изображение» [Kauffman 2017, 28].

Символ «]» и метод топологического различия, использованные Кауфманом, были введены Дж. Спенсером-Брауном. В цитате Кауфман демонстрирует нам то упомянутое обстоятельство, что всякое наше знание — это в первую очередь знание «Я» о себе самом. Так, «Я» знает не просто конкретный объект, но и знает *в себе* этот объект. Любой объект в феноменальной реальности только потому имеет место в этой реальности, что «Я» знает о нем. Кроме того, «Я» знает этот объект не как обособленный, т.е. этот объект не есть вся феноменальная реальность (или сам по себе независимая феноменальная реальность). «Я» знает его *в* феноменальной реальности, и даже больше: *знает себя* в этом объекте, поскольку полагает феноменальную реальность, в которой обнаруживает объект такой, что в этой же реальности обнаруживает

и себя самого. Можем ли мы теперь заключить, что объект, феноменальная реальность и само выражение «Я» знает себя в объекте» есть какая-то трансцендентальная точка зрения в том же смысле, в каком радуга есть явление дождя, который сам есть явление или, в данном случае, что «Я» знает не себя в объекте, а знает свое знание о себе, которое и есть объект, который он знает? Подобные совершенно не элегантные и громоздкие формулировки являются прямым следствием автологических парадоксов, возникающих в кибернетике второго порядка: ранее мы уже упоминали эти парадоксы, ссылаясь на работу Лумана. Нам кажется, что именно принцип кругообразности, примененный по отношению к самореферентной модели знания, способен наделить эту парадоксальность продуктивностью.

Кибернетика второго порядка, как указал Луман, имеет дело с парадоксом наблюдателя, который указывает на невозможность наблюдения себя самим собой. Надо так же учитывать, что речь может вестись и не о реальных наблюдателях, а о тех конструкциях, которые они наблюдают. В таком виде проблема была сформулирована Кантом: «Но каким образом Я, которое мыслит, отличается от Я, которое само себя созерцает (причем я могу представить себе еще и другие способы созерцания, по крайней мере как возможные), и тем не менее совпадает с ним, будучи одним и тем же субъектом? Каким образом, следовательно, я могу сказать, что я как умопостигающий (*Intelligenz*) и мыслящий субъект познаю самого себя как мыслимый объект, поскольку я, кроме того, дан себе в созерцании, только познаю себя одинаковым образом с другими явлениями (здесь мы допускаем, что “созерцание” и “явление” синонимичны — *A.L.*), не так, как я существую для рассудка, а так, как я себе являюсь?» [Кант 2011, 144].

Способность наблюдателя наблюдать самого себя может быть объяснена через кругообразность наблюдения. Когда Кант задается вопросом, каким образом мыслящее отличается от мыслимого, он исходит из априорного трансцендентального понимания субъекта. Если на позиции субъекта оказывается фигура априорного идеального наблюдателя, то мы вынуждены (как вынужден был и Кант) провести различие: «Я, которое мыслит» и «Я, которое само себя созерцает». Мы имеем дело уже с двумя разными «Я» и возвращаемся к организационному отношению в модели знания. Затруднение разрешается, если объяснить его как кругообразное. Возникающий в различении Другой не одновременен с тем, кто вопрошает о нем. Вопрошающий сталкивается с тем обстоятельством, что ответ уже был дан заранее.

Прояснить этот момент не представляется нам возможным без нескольких предварительных замечаний по конструктивистскому подходу к проблеме времени. Время в конструктивистском дискурсе понимается не как некое абсолютное понятие в ньютоновском смысле, а находится в зависимости от применяемых нами методов объяснения явлений и, в более широком смысле, от сконструированных нами объектов в феноменальной реальности. Фёрстер приводит два, по его словам, фундаментальных принципа, лежащих в основе научного метода. Первый принцип гласит, что те закономерности, которые мы наблюдали в прошлом, должны быть применимы и иметь силу в будущем. речь здесь ведется о законе сохранения. Второй принцип, о котором он говорит, это закон достаточного основания. Фёрстер пишет о нем следующее: «Почти все во вселенной не имеет значения. Данное утверждение обычно называют принципом необходимого и достаточного основания, и то, что он требует, станет для нас ясным, как только мы поймем, что “релевантность” это тройное отношение, которое соотносит один набор пропозиций (P_1, P_2, \dots) с другим набором пропозиций (Q_1, Q_2, \dots) в сознании (M) того, кто хочет установить это отношение. Если P — это те причины, которые должны объяснить наблюдаемые эффекты Q , тогда принцип необходимого и достаточного основания вынуждает нас подвергать редукции наблюдаемые эффекты до тех пор, пока мы не достигнем того достаточного основания, которое стало причиной искомых эффектов: все остальное во вселенной не должно иметь к этому отношения» [Foerster 2003, 204].

Наибольший интерес и значение для конструктивистского подхода имеет замечание Фёрстера о том, что между двумя наборами пропозиций присутствует посредник —

сознание М. Соответственно, если мы соотносим какое-то событие в прошлом с событием в наблюдаемом настоящем, то мы имеем дело не с реальным прошлым (реальное прошлое, очевидно, вообще не может стать объектом наблюдения), а с той конструкцией прошлого, которую мы выстраиваем как наблюдатели. Так как два набора этих пропозиций (события в прошлом и события в настоящем) соотносятся в сознании наблюдателя, то и время как отношение между двумя этими событиями полностью принадлежит наблюдателю. Более того, искомый отрезок времени между двумя такими событиями (то самое отношение между ними в сознании наблюдателя) не является, как сказал бы Кант, их формальным априорным условием. Если одно событие является причиной другого события, то делается вывод, что событие-причина не могло предшествовать во времени событию-следствию. И только в этом заключении появляется представление о времени.

Теперь мы можем сделать вывод, что мыслимый объект – Другой – это не ответ, который поступает после заданного вопроса о том, кто осуществляет процесс конструирования, поскольку представление о временном термине «после» появляется только вместе с различием, а это, согласно принципу круговой причинности, тот выходной сигнал, который вместе с тем есть и входной сигнал для модели знания – это следствие ее самореферентной организации. Если «Я» мыслящее» и «Я» мыслимое» совпадают в том смысле, что они есть сразу входной и выходной сигналы для модели знания, т.е. мыслимый объект совпадает с тем, кто его мыслит, мы можем сделать вывод, что мыслящее «Я» в таком кругообразном отношении повторяет себя в мыслимом объекте. Повторение обнаруживается и в каждой произведенной индивидом конструкции, поскольку если мыслимое «Я» появляется в различении как объект, то мы можем также экстраполировать возникающее в самореферентном отношении повторение на другой объект в феноменальной реальности, приходя тем самым к суждению, которое высказал в приведенной ранее цитате Кауфман: «Вселенная разомкнулась и произвела вас, изображение квадрата, страницу, мир. Изображение произвело вас и все остальное. Вы произвели изображение и все остальное. Все остальное произвело вас и изображение». К похожей мысли приходит и Э. фон Глазерсфельд. Например, так он рассуждает о том, как вместе с объектом появляется и феноменальная реальность: «Создание “индивидуальной идентичности” несет в себе важные следствия. Если два представления в опыте, которые мы хотим рассматривать как представления об одном и том же объекте, не следуют сразу же одно за другим, то мы должны найти способ для их сохранения ... Другими словами, создавая индивидуальные идентичности, которые мы можем затем снова воспроизвести в опыте, мы тем самым создаем и полностью обустроенный независимый мир, который существует вне зависимости от того, воспринимаем мы его в опыте или нет» [Glaserfeld 1995, 119]. Кант также отмечал (в несколько ином виде), что «сознание моего собственного существования есть вместе с тем непосредственное сознание существования других вещей вне меня» [Кант 2011, 224]. Кант приходит к этому положению в ходе доказательства существования внешних предметов и совершает его посредством временного определения, которое, по его мнению, может основываться только на чем-то постоянном, чего не может быть ни в «Я», ни в представлениях о вещах, а только в реальных вещах. Именно они выступают в качестве основания для временного определения. Кант вводит в своем доказательстве время в качестве непосредственной данности для наблюдателя.

Как получилось, что обозначенное нами различие между «Я» и тем «Я», которое оно мыслит как объект, как Другого, есть вместе с тем и повторение первого, мыслящего «Я» о себе самом? Попробуем проследить, каким именно образом строится данное отношение в модели знания. То, что сейчас здесь будет предложено, в какой-то мере напоминает фокус с наперстками (в особенности, когда речь идет о таком предмете как человеческое «Я»), но тем не менее поможет нам яснее представить себе форму отношения в самореферентности.

Разработанная учеником Б. Рассела, философом и математиком Д. Спенсером-Брауном «логика различений» [Spencer-Brown 1972] стала одним из теоретических

оснований тогда еще только зарождающегося радикального конструктивизма: в частности особое значение понятию «различения» придавали У. Матурана и Ф. Варела, следовали идеям Спенсера-Брауна также Н. Луман и Л. Кауфман. Особую ценность «логики различений» мы усматриваем в новом осмыслении проблем самореферентности. Наибольший интерес, как представляется, будет иметь демонстрация этой логики на примере видоизмененного парадокса Эпименида.

Рассмотрим предложение «То, что я сейчас утверждаю — ложно». Представим его в таком виде: I) «Я утверждаю нечто», II) «Нечто, что я утверждаю — ложно». Парадокс возникает, если совместить оба эти утверждения так, чтобы первое сначала подчинило себе второе, а затем второе переподчинило себе первое [Бейтсон 2016, 112]: «Я утверждаю: “То, что я утверждаю — ложно”». Допустим, что утверждение I можно представить как «Я утверждаю то, что утверждаю». Тогда мы сможем оперировать пространством «То, что я не утверждаю», поскольку выделение этого пространства оставит нам только область «То, что я утверждаю».

Обозначим пространство как X, а область утверждения как Y. Пространство X, таким образом, задает форму области Y, это способ их различения. Описание пространства X может заменить собой описание области Y так, что утверждение I представимо как «То, что я не утверждаю», поскольку X есть форма Y. Допустим, что утверждение II теперь можно представить как «Нечто “то, что я не утверждаю”, ложно» или «Нечто, что различено на X, ложно». Далее, представим себе «Нечто, что различено на X, ложно» как «Все то, что не различено на X, ложно» по аналогии с тем, что мы проделали с утверждением I. Теперь «Все то, что не различено на X, ложно» представим как форму «Все, что различено на X, не ложно». Далее, соединим утверждения I и II в одном предложении так, что «Я не утверждаю: “Все, что не различено на X, ложно”». «Я не утверждаю», что это пространство X, на котором проводится различение, как мы это видим из формы Y утверждения I. Следовательно: «На пространстве X различено “то, что не различено на X — ложно”». Применив форму, которую мы вывели для утверждения II в конце предыдущего абзаца, получаем: «На пространстве X различено то, что “то, что различено на пространстве X — не ложно”». Теперь предложение можно безболезненно сформулировать как «На пространстве X различено то, что различено на пространстве X», т.е. утверждение в предложении повторилось. Достаточно вольное оперирование формами утверждений может поставить под сомнение состоятельность метода, который мы планируем использовать при построении модели знания.

Наблюдатель, обладающий способностью определять границы проводимых им различений, попадает внутрь этих границ или (что, как мы видим из примера, то же самое) за их пределы, создавая различения, которые приводят его к повторениям и vice versa: «Существование наблюдателя конституировано процессом проведения различий» [Schmidt 2011, 154].

Сказанное касается теорий (методов превращения) первого порядка. Второпорядковые теории обладают, как нам кажется, свойством самоприменимости, таким, что возможно представить себе систему методов систем методов систем методов ... etc., где системы методов повторяются для каждой системы методов. Одним из главных недостатков как кибернетических систем, т.е. систем с обратной связью, так и систем, которые описаны с помощью теорий второго порядка, является их неустойчивость. Имеется в виду, что при описании таких систем информация становится избыточной (не в кибернетическом смысле): наращиваются порядки рефлексии, строятся новые описания; весь этот процесс продолжается до тех пор, пока система не разрушается либо из-за механических проблем, либо вследствие неспособности наблюдателя обработать избыточную информацию. Существует и другое измерение устойчивости таких систем, о котором говорит, например, Э. Морен: «... Рекурсивные организации являются такими организациями, которые ... при возрастании энтропии и посредством ее возрастания производят стационарные состояния...» [Морен 2005, 224]. Оба измерения имеют дело с процессами обратной связи, и оба находят свое разрешение в рекурсии, просто одно имеет дело с информацией, а другое с термодинамикой.

Круговая причинность как рекурсия (...исходное → конечное → исходное...) может быть сведена к тавтологии подобно тому, как парадокс Эпименида был сведен в к утверждению вида «X есть X», тем самым избегая производства разрушительной для системы избыточности. Тавтология изначально заложена в рекурсии, поскольку конечный результат рекурсивной операции является вместе с тем и исходным элементом: конечный результат и исходный элемент рекурсивной операции повторяют друг друга. Тавтология в данном случае выступает как аналог понятия гомеостаза, т.е. равновесия, которое производится рекурсией и вместе с тем выступает исходной точкой различения начального и конечного, тавтологически повторяющихся в рекурсии. Такая тавтология должна быть положена и в основание свойства самоприменимости теорий второго порядка. Так, если мы говорим о «знании» в теории первого порядка, в теории второго порядка разговор переходит на «знание о знании»; чтобы затем поддержать устойчивость и стабильность теории, избавиться от избыточности, «знание о знании знания» представимо в терминах второго порядка: такая теория уже рекурсивно описала саму себя. Свойство самоприменимости обнаруживается в любом второпорядковом утверждении. Само это свойство не является открытием или важным дополнением для философии, тем не менее, его эксплицитное выражение может представлять собой предмет специального интереса.

Если мы рассматриваем самореференцию в самонаблюдении, т.е. самореферентное отношение между мыслящим «Я» и «Я» как предметом теории второго порядка, то самоприменимость обнаруживается в том, как «Я» в повторении конструирует себя как объект, и, далее, как такой объект снова повторяет процесс собственного конструирования. Иными словами, как только предмет теории второго порядка в размышлении становится предметом этого размышления, вслед за ним предметом размышления становится и сама теория второго порядка. Наблюдение за наблюдением за объектом само тогда становится наблюдением-за-собой в качестве объекта. Получившееся повторение и представляет собой тавтологию.

Самореференция несет в себе и различение, без которого не мыслима ни одна тавтология. «Если P верно, то P верно» невозможно представить себе без различения этого P. Точно так же невозможно представить себе наблюдение наблюдения без различения в наблюдении. Относительно свойства самоприменимости это будет означать, что всякое утверждение второго порядка, которое описывает само себя как свой предмет, должно нести в себе различение, чтобы такое описание стало возможным. Предмет теории второго порядка, который повторялся, должен был быть различён и вместе с тем повторен в различении. Из чего мы делаем общий вывод: различение и повторение в самореференции тавтологичны.

Теперь мы можем рассмотреть те следствия, которые несет этот вывод для описания модели знания. Возвращаясь к парадоксу наблюдателя, на который указывал Луман, принципиальная скрытость наблюдателя для самого себя снимается, если различение и повторение понимаются нами как тавтология. Если мы строим такую теорию второго порядка, которая учитывала бы свою самоприменимость, то скрытый от нашего взгляда различенный наблюдатель повторяет собой то, что о нем сказано в теории первого порядка, на языке которой формулируется уже в теории второго порядка. Непомеченное пространство наблюдателя (как предмет теории второго порядка) и мир (в данном случае, как предмет теории первого порядка), обращенность наблюдателя к которому и создает это непомеченное пространство, могут быть сведены к тавтологии. Мир, к которому обращен наблюдатель, как бы «обрамляет» собой непомеченное пространство, создавая его форму, а само это пространство в свою очередь задает собой те границы, за которыми лежит мир: и непомеченное пространство, и внешний ему мир представимы как описания друг друга, в этом смысле они друг друга повторяют.

Проблема самореферентного отношения между «Я» мыслимым (N) и «Я» мыслящим (S) представима подобным же образом. S, которое наблюдает N, задает собой то пространство F, на котором присутствует объективация. И это F выделяет собой непомеченную область, на которой расположено S. В различениях F выделяется та граница, которая разделяет S и N. Таким образом, S, которое выделено в области, «обрамленной» F

(как описание вида SF) и N, расположенном на F (как описание вида NF), описывают друг друга. Если выделено SF, то его граница описывает NF, если выделено NF, то его граница, следовательно, описывается SF. NF повторяет собой описание SF, а SF повторяет собой описание NF, поскольку в описании одного уже содержится и описание второго и наоборот. При этом, если мы рассматриваем, скажем, SF, то в различии F выделяется область NF и наоборот. Если мы рассматриваем самореферентное отношение между мыслящим и мыслимым в рамках теории второго порядка, то оно есть знание об этом отношении. Так как не может быть знания без его носителя, порядки рефлексии начинают нарастать. Чтобы избежать избыточности, мы замыкаем круг мыслящее-мыслимое-мыслящее.

В своей программной работе «Биология познания» У. Матурана приводит следующие основополагающие принципы радикального конструктивизма: «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам ... Для наблюдателя сущность является сущностью, когда он может описать ее. ... описать какую-либо сущность наблюдатель может лишь в том случае, если имеется по крайней мере еще одна сущность, от которой он может отличить первую...» [Матурана, Петров (сост.) 1995, 97]. Выявить самоприменимость теории означает, помимо прочего, признать, что для любого тезиса данной теории требуется наблюдатель, без которого она не имеет смысла. Чтобы положение о том, что самореферентное отношение в теории второго порядка представляет собой знание об этом отношении, имело какой-либо смысл, необходим наблюдатель. Строго говоря, чтобы этот текст имел смысл, ему необходим читатель. Точно так же знанию требуется носитель. Чтобы теория стала избыточной, необходим кто-то, кто мог бы описать эту избыточность. Именно в этом смысле любое положение теории второго порядка является высказыванием теории первого порядка, поскольку только в форме последней, т.е. мыслимой, она может иметь смысл.

Мыслящее представимо, таким образом, только в своем различии как мыслимое. Если у нас нет никакой реальной возможности помыслить что-либо иначе как в виде утверждений теории первого порядка, то любое утверждение теории второго порядка должно повторять свою формулировку в виде утверждения первого порядка, что ранее мы назвали тавтологией. Такая разновидность кругообразности отвергает всякую иерархию, она, используя термин, который впервые был введен У. МакКаллоком, гетерархична [McCulloch 1945, 89–93]. Данное положение можно одновременно рассматривать и как критику кибернетики второго порядка, и как сильный аргумент в ее пользу. В конечном счете, это будет зависеть от наблюдателя. Так что если мы зададимся вопросом, реально ли влияние первопорядковых утверждений о мышлении на саму модель этого мышления, или, выражаясь иначе, меняет ли описание принципов работу этой системы, то, учитывая тавтологичность обоих порядков, мы должны были бы признать эту реальность. Однако если мы остаемся на позициях радикального конструктивизма, то необходимо сделать уточнение.

Реальность — это только описание наблюдателя, онтологические утверждения о реальности чужды конструктивизму. И если мы рассматриваем утверждения о мышлении как тавтологические описания этого мышления, то речь не может идти и о влиянии одного порядка на другой: они повторяют друг друга. Гетерархичность выражается не в том, что и первый порядок, и второй порядок мышления оказывают реальное влияние, скажем, на поведение индивида, а в том, как гетерархия снимает собой конфликт различения и повторения, заложенный в самореференции, и в том, как раскрывает через себя свойство самоприменимости теорий второго порядка. Воспользуемся определением К. Крамли, теоретика эпистемологии сложных адаптивных систем: «Гетерархия может быть определена как отношение между элементами, при котором эти элементы не ранжированы или обладают потенциалом для ранжирования несколькими способами» [Crumley 1995, 3].

Необходимо различать два состояния: быть ранжированным и обладать потенциалом для ранжирования. Обладание потенциалом не подразумевает ранжированности. «Обладать потенциалом» для модели знания означает то, что она как описание

мышления второго порядка обладает свойством самоприменимости, т.е. возможно ее описание как утверждения первого порядка. Небольшое смущение вызывает конечно терминология: «первый порядок», «второй порядок». В числительных отчетливо видна возможность ранжирования. Предположим, что есть ряд переменных a, b, c . Если мы их поименуем как 1, 2, 3, появляется желание приписать этим переменным отношение подчинения, увидеть в именах переменных числовой ряд. Однако имена случайны, только наше собственное желание найти закономерность и подчинение создают эти закономерность и подчинение.

Если рассмотреть самореференцию как гетерархическое отношение между различием и повторением, то первое будет выражать обладание потенциалом для ранжирования, а второе — неранжированность. Мы уже приводили мысль Бейтсона о том, что парадокс или конфликт между элементами, возникает при отношениях подчинения, как если бы мы задали вопрос: как что-то может быть повторено, если оно различается, или как что-то можно различить, если оно повторено? Парадокс и конфликт возникают вследствие ранжирования (интересно отметить, что сам Бейтсон видел разрешение самореферентных парадоксов в ранжировании времени внутри парадокса). В гетерархическом отношении подчинение отсутствует. Обладать потенциалом для ранжирования и быть ранжированным — не одно и то же, а различие между «обладать потенциалом для ранжирования» и «быть неранжированным» — это повторение одного описания, что снова возвращает нас к тавтологии.

Ответ на вопрос о том, кто осуществляет познание, понятый в конструктивистской перспективе, в действительности ведет к конфликту собственных посылок. Замкнутые, кругообразные, самореферентные объяснения познания вызывают справедливые замечания, поскольку классическая философия требует от них различения познающего и познаваемого. Такое различие возникает как реальное, поскольку субъект, мыслящее, понимается субстанциально, а его объект, попадающий в отношение подчинения с субъектом, объект, мыслимое, понимается только как тень реальности. И если поднимается проблема самореференции в познании «Я», то и различие приводит к конфликту и парадоксу, поскольку не до конца ясно, какую конкретно реальность «Я» отражает его мыслимая тень. И затем возникает позиция субъекта, но никак не сам субъект.

Радикальный конструктивизм, претендующий на преодоление различия, отмежевывается от классической дихотомии реальности и ее мыслимых образов. В этом смысле он очень практичен, поскольку не занимается поиском феноменальных определений трансфеноменальных предметов, его поиск уже закончен, а исследователь выступает в роли заинтересованного наблюдателя. То обстоятельство, что наблюдение влияет на наблюдаемые объекты, уже достаточно давно было признано научным сообществом. Закономерно спросить себя: почему что-то должно быть иначе, если в качестве объекта наблюдения выступает сам наблюдатель? Проведенный анализ самореференции и того конфликта различия и повторения, который в ней появляется как следствие догматических установок классической эпистемологии, сводится к тавтологии, которая снимает этот конфликт. Дилемма мыслимого и мыслящего в теории второго порядка подобна рядам поименованных переменных: достаточно принять, что имена случайны, их породил сам познающий субъект.

Замечание о случайности само отнюдь не случайно (хотя и это, строго говоря, зависит от наблюдателя), без случайности не могло бы быть и развития. В этом серьезное отличие между тавтологией в рассмотренной здесь модели знания и формальными тавтологиями вида «если p , то p ». Самоприменимость теории второго порядка открывает двери для случайности, поскольку теория сама есть свой предмет. Возможно даже, что такая самоприменимость сама не знает своей глубины, вроде той, которая имела у плодотворных тавтологий М. Мамардашвили: в мире нет причин для того, чтобы кому-нибудь быть добрым, но само добро, которое мы творим, есть утверждение этого добра [Мамардашвили 2001, 51].

Пока еще сложно в полной мере оценить радикальный поворот, обозначенный в 1981 г. выходом в свет сборника «Изобретенная действительность» (Die erfundene

Wirklichkeit) под редакцией П. Вацлавика. Полному осмыслению радикальным конструктивизмом себя как направления предшествовала длинная череда других осмыслений: в физике, математике, кибернетике, философии. Его радикальность в том, что он радикализирует в первую очередь способ мышления. «Как только познание более не понимается как поиск соответствия онтологической реальности, но как поиск моделей поведения и способов мышления, традиционная проблема [познания] разрешается» [Glaserfeld 1987, 212]. Задача конструктивизма, таким образом, состоит не столько в объяснении феноменов и познавательных процессов, сколько в поиске новых способов мышления. Две эти задачи связаны между собой, если не повторяют себя тавтологически: поиск новых способов мыслить и поиск мышления для нового способа мыслить.

Ссылки — References in Russian

- Бейтсон 2016 — *Бейтсон Г.* Разум и природа. Необходимое единство. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016.
- Кант 2011 — *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2011.
- Луман 2005 — *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Практика, 2005.
- Мамардашвили 2001 — *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. М.: Прогресс, 2001
- Матурана, Петров (сост.) 1995 — *Матурана У.* Биология познания / Петров В.В. (сост.). Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995 С. 95–142.
- Матурана, Варела 2001 — *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Морен 2005 — *Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Труфанова 2010 — *Труфанова Е.О.* Единство и множественность Я. М.: Канон+, 2010.
- Цоколов 2000 — *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen: PHREN, 2000.

References

- Crumley, Carole L. (1995) “Heterarchy and the Analysis of Complex Sciences”, *Archeological Papers of the American Anthropological Association* 6, pp. 1–5.
- Foerster, Heinz von (2003) *Understanding Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition*, Springer-Verlag, New York.
- Glaserfeld, Ernst von (1987) *Wissen, Sprache und Wirklichkeit*, Vieweg, Wiesbaden.
- Glaserfeld, Ernst von (1995) *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*, Falmer Press, London.
- Kant, Immanuel (1787) *Kritik der reinen Vernunft*, Hartknoch, Riga (Russian Translation 2011).
- Kauffman, Louis H. (2017) “Self-Reference and the Self”, *Constructivist Foundations* Vol. 13, 1, pp. 28–30.
- Luhmann, Niklas (2004) *Die Realität der Massenmedien*, GWV Fachverlage GmbH, Wiesbaden (Russian Translation 2005).
- Mamardashvili, Merab K. (2001) *Cartesian reflections*, Progress-Tradiciya, Moscow (in Russian).
- Maturana, Humberto R. (1970) “Biology of Cognition”, *BCL Report* 90 (Russian Translation 1995).
- McCulloch, Warren S. (1945) “A heterarchy of values determined by the topology of nervous nets”, *The bulletin of mathematical biophysics*, 7, pp. 89–93.
- Morin, Edgar (1977) *La Méthode. La Nature de la Nature*, Éditions du Seuil (Russian Translation 2005).
- Rosenblueth, Arturo, Wiener, Norbert, Bigelow Julian (1943) “Behavior, Purpose and Teleology”, *Philosophy of Science*, Vol. 10, 1, pp. 18–24.
- Schmidt, Siegfried J. (2011) “The observer story: Heinz von Foerster's heritage”, *Cybernetics & Human Knowing*, 18, pp. 151–155.
- Spencer-Brown, George (1972) *Laws of Form*, The Julian Press, New York.
- Trufanova, Elena O. (2010) *Unity and Plurality of the Self*, Kanon, Moscow (in Russian).
- Tsokolov, Sergey (2000) *Discours of the Radical Constructivism*, PHREN, Munchen (in Russian).

Сведения об авторе

ПОПОВ Антон Павлович — аспирант кафедры философской антропологии, философского факультета МГУ.

Author's information

POPOV Anton P. — Postgraduate, Department of philosophical anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.